

задержит, Александр Васильевич, милый? А я так хочу, чтобы Вы скорее приезжали. Сегодня, когда начался буран, я лежала и все думала, как было бы хорошо, если бы Вы были здесь теперь. Выйти никакой возможности — и к Вам никто ни по каким делам не явится — *force majeure* [непреодолимое обстоятельство (*фр.*)], по крайней мере я могла бы повидать Вас при дневном свете. Что же делать, если для такой простой вещи надо стихийное безобразие.

Милый, дорогой мой, я опять начинаю писать невозможную галиматью — но ведь я пишу Вам «для того, чтоб доказать мое расположение, а вовсе не затем, чтоб высказать свой ум» (если Вы мне преподнесите письмо из Шиллера, почему я не могу Вам отвечать Шекспиром? — на одном диване вместе лежат и тот и другой). Я кончаю; как я служака, то, несмотря на метель и поздний час, все-таки пойду. Итак, до свиданья, Александр Васильевич, дорогой мой. Я очень жду Вас и хочу видеть, а Вы хоть бы строчку мне прислали — ведь ездят же от Вас курьеры?

Господь Вас сохранит, голубчик мой милый. Не забывают меня.

Анна

Не нашла другого конверта — извините. А. [*Приписка сделана на верхнем поле первой страницы.*]

<«Я слышала, что по поводу отдельных случаев незаконных репрессий адмирал всегда высказывался отрицательно...»>

26 января 1920 г.

В помещении Иркутской губернской тюрьмы Анну Васильевну опрашивает Алексеевский А. Н.

Вопросы касаются взаимоотношений адмирала Колчака с начальником Главного штаба генералом Лебедевым, с генералами Гайдой, Дитерихсом, Вологодским, Михайловым, их влиянии на происходившие в Сибири и на Дальнем Востоке события. Анна Васильевна отмечает факт отрицательного отношения адмирала к атаманам Семёнову и Анненкову, лучшего сравнительно с другими мнения адмирала об атамане Дутове.

Адмирал вообще думал, что атаманство есть явление отрицательное и временное. А. В. отмечает, что «...адмирал считал возвращение земли помещикам невозможным. Никаких связей с сибирским обществом адмирал не старался заводить, отчасти, б[ыть] м[ожет], по недостатку времени, а главное, не находил это необходимым. О том суровом

характере управления страной, который принял возглавлявшийся адмиралом режим, он знал, считал это очень печальным явлением, но мирился с ним как с временной необходимостью. Я слышала, что по поводу отдельных случаев незаконных репрессий адмирал всегда высказывался отрицательно, давал приказания об отмене неправильных мероприятий. Раза два я слышала, что те или другие беззакония определенно бывали прекращаемы по распоряжению адмирала. Больше ничего по данному делу показать не имею.

Показания мне прочитаны».

Анна Тимирёва

<«...Даже если бы мы вырвались из Сибири, он не пережил бы всего этого»>

Из Омска я уехала на день раньше А. В. в вагоне, прицепленном к поезду с золотым запасом, с тем чтобы потом переселиться в его вагон. Я уже была тяжело больна испанкой, которая косила людей в Сибири. Его поезд нагнал наш уже после столкновения поездов, когда было разбито несколько вагонов, были раненые и убитые. Он вошел мрачнее ночи, сейчас же перевел меня к себе, и началось это ужасное отступление, безнадежное с самого начала: заторы, чехи отбирают на станциях паровозы, составы замерзают, мы еле передвигаемся. Куда? Что впереди — неизвестно. Да еще в пути конфликт с генералом Пепеляевым, который вот-вот перейдет в бой. Положение было такое, что А. В. решил перейти в бронированный паровоз и, если надо, бой принять. Мы с ним прощались, как в последний раз. И он сказал мне: «Я не знаю, что будет через час. Но Вы были для меня самым близким человеком и другом и самой желанной женщиной на свете».

Не помню, как все это разрешилось на этот раз. И опять мы ехали в неизвестность сквозь бесконечную, безвыходную Сибирь в лютые морозы.

Вот мы в поезде, идущем из Омска в неизвестность. Я вхожу в купе, Александр Васильевич сидит у стола и что-то пишет. За окном лютый мороз и солнце.

Он поднимает голову:

— Я пишу протест против бесчинств чехов — они отбирают паровозы у эшелонов с ранеными, с эвакуированными семьями, люди замерзают в них. Возможно, что в результате мы все погибнем, но я не могу иначе.

Я отвечаю:

— Поступайте так, как Вы считаете нужным.